Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ПАССАЖИР БЕЗ ОБРАТНОГО БИЛЕТА

КНИГА ШЕСТАЯ

Алекс Вестфорд
Пассажир без обратного билета

https://litres.ru/74747029
SelfPub; 2026

Аннотация

Май 1933 года. В Бриарли прибывает местный поезд из Блэквуда. Все пассажиры выходят, кроме одного: Норман Белфорд остаётся сидеть у окна, уже мёртвый. Учительница, торговец семенами и кондуктор разговаривали с ним в пути. Никто не видел нападения. В его кармане — билет в один конец, в портфеле — расчёты строительной фирмы, в доме — жена, готовившаяся уйти. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид восстанавливают день человека, чьё упрямство хорошо помнят все, а последние часы каждый понимает по-своему. Тем временем старое семейное письмо возвращает их к другому пассажиру этой ветки — Элеоноре Вейл, исчезнувшей девять лет назад. Шестое самостоятельное расследование серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

Содержание

Пассажир без обратного билета 4
Глава 1. Последний на платформе 5
Глава 2. Между остановками 17
Глава 3. Вода в умывальнике 30
Глава 4. Обратная дорога 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Алекс Вестфорд Пассажир без обратного билета

Пассажир без обратного билета

Алекс Вестфорд

Глава 1. Последний на платформе

Нэнси Кин поставила на прилавок пакет с обедом и придержала его ладонью. Муж уже протянул руку, но жена не отдавала.

— Письмо у тебя?

— У меня.

— Не то, где тебе велят явиться. Моё.

Альфред Кин вздохнул, вынул из внутреннего кармана старый конверт. Нэнси посмотрела на надорванный край и только тогда отодвинула пакет. На станции Бриарли за несколько лет все научились различать, когда она приходит к мужу, а когда проверяет, что он успел забыть. Сегодня проверка заняла меньше минуты.

— Завтра к одиннадцати, — сказала она. — Если опять уйдёшь до прихода человека, я сама сяду здесь.

— Полиция умеет искать.

— Я знаю, кто потом меня за тобой пошлёт.

Она ушла, не дожидаясь ответа. На спине пальто распустился короткий шов, муж заметил ещё утром, но пока не сказал: Нэнси только что закончила чинить его собственное, такое замечание могло подождать.

Кин убрал конверт подальше от еды. В апреле ему написали из Блэквуда, сперва через железнодорожную контору, потом на домашний адрес. Разыскивали женщину, которую он

знал много лет назад. Нэнси перебрала свои бумаги и нашла его давнее письмо. Завтра инспектор обещал приехать посмотреть оригинал. Кин собирался показать также конверт, потому что дату помнил хуже самого отъезда и не желал притворяться, будто одно заменяет другое.

Сегодня у него были вечерние газеты, два забытых заказа на открытки и стопка дешёвых романов, которые покупали, чтобы не разговаривать в вагоне. Верхняя книжка намокла у края. Кин переставил её вниз, потом вернул: покупатель всё равно заметит, а склеятся сразу две.

Станция была маленькой, но начальник не любил, когда её так называли. Два пути у платформы, отдельная ветка к складу, невысокое здание с часами и клумба в форме полумесяца. По другую сторону ограды начинались огороды. Если в мае хозяйка ближайшего дома выходила подвязать горох, пассажиры могли узнать, с кем она поссорилась утром, ещё до того, как кондуктор предложит занимать места.

Сейчас хозяйка молчала. На бельевой верёвке висели детские чулки, ветер вывернул один наизнанку. Кин поискал глазами её мужа, не нашёл. С утра тот принёс книгу, купленную в субботу, и требовал денег обратно: после восемьдесят четвёртой страницы сразу шла сто семнадцатая. Альфред сначала не поверил. Такие люди любят дочитать и вернуть, объявив, что конец был известен заранее. Потом открыл книгу и обнаружил вместо недостающей тетради ещё одну, с повторением уже прочитанного.

Деньги лежали под прилавком отдельно, завёрнутые в кусок газеты. Покупатель ушёл за мелочью: хотел всё-таки взять другой роман, подешевле, и просил не начинать расчёт сначала. Кин пометил карандашом, сколько останется вернуть. Раньше подобные цифры держал в голове без труда. Теперь при Нэнси ещё мог, наедине с собой предпочитал записать.

Мужчина показался у калитки. На этот раз без книги, зато с половинкой яблока, которую доедал на ходу.

— Нашли? — спросил он.

— Страницы не нашёл. Деньги здесь.

— Я ведь могу и эту оставить. Если узнаете, кто там убил.

— Сам не читал.

Покупатель посмотрел на него с настоящим разочарованием. Видимо, полагал, что продавец книг по вечерам последовательно прочитывает товар, как пекарь проверяет корку у хлеба. Альфред вспомнил прошлый вечер: Нэнси пыталась надеть новый чехол на кресло, он придерживал ножку и слушал, почему ему никогда нельзя доверить короткую сторону. На чтение не осталось даже желания.

— Поищу другой экземпляр, — сказал он. — С целым концом.

Мужчина согласился подождать до пятницы, взял дешёвую книжку, пересчитал сдачу. Потом спросил, сколько стоит часами стоять за прилавком.

— Это вы хотите купить?

— Место. Для племянника спрашиваю. Он читать любит, ноги здоровые.

— Любит читать — будет плохо продавать.

Сказал и тут же пожалел: выходило, будто отказывает в просьбе, которой ему ещё не сделали. Предложил привести племянника, когда приедет заказ, помочь разложить. За постоянное место обещать не мог. Покупатель ответил уклончиво, мальчишка у них гордый, учился дольше остальных. Пришлось объяснить, что коробки поднимает и сам Кин, даже в тех случаях, когда прочёл газету от начала до конца.

Мужчина ушёл через калитку. Над оградой появилось его лицо: не забудьте про пятницу. Альфред помахал рукой, записал заказ на обороте накладной. Вместе с обещанной работой теперь требовалось помнить, что человек хочет узнать развязку и при этом не платить за вторую такую же книгу.

Из служебной двери вышел Генри Кэрью. Начальник станции заметил испорченный том, спросил, опять ли его оставили снаружи под дождём. Кин раскрыл на пропущенных страницах. Кэрью полистал, недоверчиво вернулся назад.

— Не вырывали?

— Шили так.

Начальник потрогал корешок и положил книгу. Сказал, что жаловаться надо, потом им же хуже. Поставщику, видимо. Альфред не стал расспрашивать, кому ещё. В записке поставщику он уже попросил замену, но пока она придёт, деньги покупателю придётся выдавать из своих. Кэрью кивнул,

будто вопрос этим решился, и пошёл к складу объяснять носильщику, почему ящик нельзя оставить там, где его удобно потом взять.

Фрэнк Доу слушал, прижимая ладони к бокам. Ему было двадцать два, и начальственное замечание он принимал сначала лицом, а потом уже пытался понять слова. Кин узнал в этом себя молодого. Только он в двадцать два стыдился ещё и собственного акцента, от которого впоследствии так и не избавился.

— К дверям проход нужен, — повторил Кэрью.

— Так он пустой.

— Проход?

— Ящик.

Начальник отвернулся, чтобы не улыбнуться. Доу тоже заметил, перестал краснеть и всё-таки передвинул ящик.

Поезд из Блэквуда ждали в два сорок восемь. Кэрью посмотрел на часы, затем туда, где рельсы уходили между вязами. Кин достал обед, раскрыл бумагу. Нэнси забыла положить соль и наверняка сказала бы, что он забывает каждый день вещи поважнее. Он съел бутерброд без соли.

В доме за оградой распахнулось окно. Женщина попросила кого-нибудь отозвать собаку от ворот. Кэрью велел Фрэнку, Фрэнк сделал вид, что занят багажной тележкой. Собака ушла сама.

Сначала послышался паровоз, потом над изгородью поднялся дым. Кин, столько лет проживший у железной доро-

ги, до сих пор невольно смотрел навстречу, хотя от поезда ему требовались только люди с несколькими лишними пенсами. Сегодня среди них могли оказаться и те, кто прочитал утренние новости, но хотел ещё одно объяснение тех же новостей крупным шрифтом.

Состав остановился у платформы. Два пассажирских вагона, в заднем — отдельное место для кондуктора и багажа. Старые поперечные купе открывались каждое своей дверью наружу. Мальчик из соседнего огорода однажды спросил у Кина, как кондуктор проходит между ними на ходу. Кин ответил, что не проходит. Мальчик счёл это явным недостатком устройства и с тех пор предпочитал автобус.

Из ближайшего купе выбралась женщина с корзиной, за нею мужчина, старавшийся не попасть под края её шляпы. В третьем открыли окно раньше двери, кто-то передал через него свёрток и получил выговор от спутницы. На платформе сразу стало тесно и шумно. Все ехали недалеко, но выходили так, словно рассчитывали больше никогда не пользоваться этой ступенькой.

Эдгар Миллс спрыгнул из заднего отделения, взял у Доу лист по багажу. Кондуктору было под пятьдесят; волосы у висков седели, а усы он подстригал слишком коротко, отчего верхняя губа всё время казалась обиженной. Кэрью спросил о Ларкспуре. Миллс ответил, что отправились по времени. В Мерроу-Роуд стояли недолго, ничего особенного.

Доу начал выкатывать тележку. С ней всё время было что-

нибудь не так: то заедало колесо, то ручка давала занозу. Сегодня она только скрипела, и Фрэнк счёл это благополучным состоянием. Кэрью пошёл вдоль вагонов, предлагая собравшим вещи выходить. Обратный рейс готовили отдельно, держать пассажира в купе, пока все разбредутся, не полагалось.

У книжного прилавка остановилась женщина со шляпой в руках. Пока ехала, заметила, что перо держится на одной нитке. Попросила Кина подержать, вынула из сумочки булавку. Он взял так осторожно, словно чужая шляпа относилась к предметам, способным испортиться от его прикосновения.

— Мне газету вчерашнюю, — сказала женщина.

— Есть сегодняшняя.

— Я вчера не дочитала объявление. Не успела купить.

Кин нашёл под прилавком, выдал дешевле. Женщина показала объявление о комнате для двух сестёр, спросила, знает ли улицу. Он объяснил, как пройти, подумал, что после её ухода всё равно не вспомнит, какой дом имела в виду. Названия в Бриарли повторялись: Вязовая улица, Вязовый переулок, Новый Вязовый, и ни у одного приезжего не было причины заранее верить, что это три разных места.

У второго купе первого вагона Кэрью остановился. Постучал костяшками по раме.

— Сэр? Конечная.

Женщина забрала шляпу, отдала деньги. Кин пересчитал сдачу. Начальник станции позвал ещё раз, уже громче. Фр-

энк подошёл с тележкой, заглянул в открытую дверь.

— Спит?

— Позовите Миллса.

Кин поднял голову. В тоне Кэрью исчезла сухая учтивость, которой тот пользовался с задерживающими поезд. Альфред отложил монеты, вышел из-за прилавка. Доу уже бежал к заднему вагону.

В купе сидел мужчина в сером костюме. Один рукав сполз к локтю, ладонь лежала на сиденье. Голова запрокинулась боком к деревянной перегородке. Шляпа находилась подле колен, портфель — на полу, в тесном месте между ногой и противоположной скамьёй. Верхнюю часть окна приоткрыли, оттуда тянуло угольным дымом.

Кэрью вошёл, наклонился к пассажиру.

— Слышите меня?

Ответа не было. Мужчина не переменил положения, только плечо качнулось, когда начальник коснулся его через ткань. Кин увидел лицо. Знакомое, хотя имя пришло не сразу. Приходил с другого конца платформы осенью, спорил насчёт посылки, требовал показать, почему её считают тяжёлой.

Миллс поднялся в купе. Кэрью велел Фрэнку бежать за доктором Литтоном; тот принимал по соседству со станционной площадью. Если не застанет, попросить у дома позвонить. Фрэнк забыл оставить тележку так, чтобы не скатилась, и Кин сам подставил под колесо башмак, всегда лежавший

возле стены.

— Белфорд, — сказал Альфред.

Начальник посмотрел на него.

— Мистер Белфорд. Строительные дела. Фирма в Блэквуде, с Дейкром. Я не раз его видел.

Миллс кивнул.

— Он и есть. В Ларкспуре со мной говорил. Попросил узнать, можно ли воды, потом сказал, не нужно. Я ему предлагал выйти.

— Сейчас выйдите вы, — сказал Кэрью. — Здесь мало места.

Кин отступил первым. На платформе уже задержались двое: мужчина с мягкой шляпой и женщина, покупавшая старую газету. Она спросила, человеку плохо? Кэрью ответил, что вызвали врача. Не стал просить публику расходиться, пока мог просто не отвечать больше ни на что.

Миллс остался у двери. Вынул часы, убрал. Потом посмотрел на состав так, словно именно сейчас вспомнил, что отвечает не за одно купе. Начальник кивнул, отправил проверить оставшихся. Прежде чем уйти, кондуктор добавил:

— От Мерроу-Роуд один сидел. Там Венн вышел, торговец семенами. Сказал, соседу нехорошо. Но мистер Белфорд не желал, чтоб его беспокоили.

— Мы поговорим, когда приедет доктор.

Миллс ушёл. Кин вернулся к прилавку закрыть кассу. Деньги так и лежали сверху, рядом с незавёрнутым куском

хлеба. Он переложил хлеб, потом монеты, обнаружил, что держит в руке женскую булавку. Заказчица, закрепив перо, оставила запасную на краю. Её уже не было видно.

Кин воткнул булавку в картонную стенку. Из купе послышалось короткое распоряжение Кэрью: мужчина в шляпе пытался подняться за своей газетой, будто он и не видел причины, по которой доступ теперь закрыли. Начальник велел подождать. По тому, как надолго человек остался стоять с протянутой рукой, было видно, что ему тоже стало страшно.

Литтон пришёл быстро, почти одновременно с Фрэнком. Доктору было около пятидесяти, но станционная лестница заставила его переводить дыхание. Нёс сумку, другой рукой держал полу пиджака, которую ветер всё время забрасывал на ремень.

Кэрью пропустил внутрь. Врач поздоровался с пациентом до того, как начал осмотр, получил ту же тишину. Велел начальнику отойти к двери, чтобы был свет. Потом попросил, чтобы в купе больше никто не входил.

Кин стоял у прилавка. Видел только спину доктора и край серого рукава. Рядом зашуршала бумага: мальчишка из огорода, тот самый противник вагонов без коридора, уже перебрался через калитку и пытался рассмотреть книжки, не попросив разрешения. Альфред обычно позволял. Сегодня взял его за плечо, повернул к дому.

— Матери скажи, пусть придёт за тобой. Не лезь к поезду.

Мальчик хотел возразить, увидел лицо взрослого и убе-

жал. Над оградой качались чулки.

Литтон выпрямился. Кэрью шагнул ближе, тихо спросил, нужно ли вынести на носилки. Врач не сразу ответил. Склонился к голове пассажира, осторожно раздвинул волосы над ухом, затем повернулся к начальнику:

— Свяжитесь с полицией. И пока ничего здесь не трогайте.

Кэрью посмотрел на мёртвого мужчину, потом на портфель. Из-за верхнего края высовывался свёрнутый лист, стянутый резинкой. На раскрытой подкладке шляпы темнела небольшая полоса. Доктор подвинулся, закрыв от начальника лицо. Теперь поезд всё равно никуда не отправился бы без разрешения других людей.

Кин развернул старый конверт, который принёс из дома. Держать его в кармане вдруг показалось ненадёжным. В письме Нэнси он писал о девушке, уехавшей из Блэквуда в ноябре двадцать четвёртого, и о пустяках, которые тогда случились на станции. Девушка исчезла, а пустяки хранились девять лет под нитяными мотками и платками. Нынешнего пассажира ещё час назад кто-то видел живым, возможно, сердился на него из-за чего-нибудь столь же обычного.

Из служебной двери вышел Кэрью. Сказал, что местный констебль уже идёт, из Блэквуда пришлют инспектора. Кин кивнул, сложил письмо. Доктор оставался возле купе, следил, чтобы проходившие держались дальше.

— Мне завтра к этому инспектору, — произнёс Альфред.

— Другой разговор.

Кэрью не расслышал, переспросил. Кин ответил, что расскажет самому человеку, когда приедет. Потом спросил, можно ли убрать со своего прилавка бутерброд. Начальник посмотрел с недоумением: конечно, его еда к поезду не относится.

Альфред завернул бумагу. Аппетита не было, но выбрасывать Нэнсин обед рука не поднялась. Он убрал пакет на полку, подальше от новых газет, где через несколько часов ещё не могли написать про этого человека в сером костюме.

Глава 2. Между остановками

В конторе Кэрью висела фотография прежнего начальника станции. Тот сидел перед таким же столом и держал руки точно в том месте, где нынешний поставил чернильницу. Рид заметил сходство, пока освобождал стул от папок. Кэрью поспешил забрать их, прижал к животу, потом не знал, куда деть.

— На подоконник можно, — сказал сержант.

— Там сыро.

— Тогда я постою.

Начальник рассердился и нашёл место сразу. Уитмор уже разговаривал с констеблем Нортоном возле двери. Из Блэквуда приехали вскоре после половины четвёртого; обратный рейс задержали, в зале ожидания собрались люди, которым всё ещё казалось, что полиция может просто перенести неприятность в другой вагон и позволить ехать.

Нортон первым делом рассказал о входивших в купе. Начальник, кондуктор, доктор. Кин остановился у двери, прежде чем отвели. Носильщик заглянул, не поднимался. После прихода врача никого не пускали, сам констебль встал возле ступеньки. Имена записал, время прибытия Литтона уточнил у помощника, посланного за ним. На бумаге осталось «около трёх», хотя Фрэнк хотел исправить на «без трёх минут».

— Почему не исправили? — спросил инспектор.

— Он часы увидел, когда обратно шёл. Не у дома доктора. Сначала говорил про приход к врачу, потом сам заметил.

Уитмор кивнул. Нортон убрал блокнот. У него промок один рукав, хотя дождь уже кончился. Стоял у купе так долго, что вода с крыши вагонного навеса всё время попадала на одно место.

Литтон ждал на платформе. Не подходил знакомиться к машине, не передавал догадок через начальника. Сказал, что при осмотре признаков жизни не было. Нашёл повреждение головы слева над ухом. Волосы скрывали часть раны; крови снаружи оказалось немного. Для ответа о причине смерти требовалось исследование.

— Сильный удар? — спросил Уитмор.

— Был удар. Насколько он повредил внутри, скажу после. Сейчас могу описать то, что видно.

Они подошли к открытой двери. Нортон отступил, придержал проход, пока инспектор поднялся. Скамьи находились друг напротив друга, между ними оставалось мало места для двух стоящих мужчин. Никакой двери в соседнее купе не было. Из дерева, обивки и стекла складывалась тесная комната, которая меньше часа назад двигалась через поля.

Белфорд сидел боком к окну. Доктор ослабил ему воротник при первоначальном осмотре, положение головы слегка изменил, проверяя состояние; теперь объяснил, как именно. Шляпу не поднимал, портфель не открывал. Правую руку

трогал у запястья, затем оставил на сиденье. Кэрью коснулся плеча прежде него, кондуктор наклонился, спросил, слышит ли пассажир, но, по собственным словам, не пытался поднимать.

Уитмор посмотрел на перегородку. Возле места, к которому прислонилась голова, дерево было тёмным от старой краски и множества чужих прикосновений. Сразу отличить свежее пятно не получалось. Инспектор попросил описать, снять общий вид и отдельные части, прежде чем начнут извлекать человека и вещи.

Нортон уже вызвал нужных людей через управление. Переспросил только, до их приезда держать ли состав целиком. Уитмор ответил по вагонам и проходу; возможность освободить второй следовало обсудить с железнодорожниками после фиксации положения. Нельзя было переставлять всё для удобства, а потом выяснять, какое именно купе видел свидетель.

Литтон отодвинулся к двери. Рид стоял на платформе, делал рисунок: паровоз, первый вагон, второй с кондукторским отделением. Начальник всё пытался добавить станционное сокращение, сержант попросил сначала оставить обычные слова.

— Второе купе первого вагона, считая от паровоза на пути сюда? — уточнил он.

— Да. Состав после прибытия не переставляли.

Кэрью провёл пальцем по рисунку, где находилась дверь.

Рид отметил. Только теперь попросил технические обозначения, если начальнику требовалось сообщить их своему управлению.

Инспектор спустился. Миллс стоял неподалёку, держал в одной руке фуражку и книжку. На вопрос, можно ли задержаться для разговора, ответил, что задержался уже весь поезд.

— Я пока не жалуюсь, — добавил кондуктор. — Только мне в конце это время объяснять.

Нортон забрал у него сведения о рейсе и перечень оставшегося багажа. Уитмор предложил беседовать в конторе по одному, чтобы не повторять чужие слова. Кэрью ушёл освобождать стол, негромко ругая папки, которые опять оказались не там.

* * *

Миллс видел Белфорда при посадке в Блэквуде. Тот сам выбрал купе, поставил портфель, ответил на обычный вопрос. Не выглядел настолько больным, чтобы требовалось вмешиваться. Кондуктор знал его в лицо: пассажир часто ездил на ветке, мог предъявить претензию из-за холода и через минуту пожелать доброго вечера, словно первого разговора не было.

До Ларкспура с ним ехала мисс Скотт, учительница. Имени Миллс не знал наверняка, предложил проверить у начальника той станции. Она вышла, на её место сел Венн, торгующий семенами. Венн ехал только до Мерроу-Роуд. Его кон-

дуктор знал лучше: бывало, вместе ехали в Блэквуд вечером, обсуждали сад, который Миллс так и не мог привести в порядок.

— После Ларкспура вы к Белфорду не заходили?

— На ходу здесь не пройдёшь. В Мерроу-Роуд подошёл к дверям, Венн выходил. Он сказал, соседу нехорошо. Я спросил, выйдет ли мистер Белфорд. Ответил, чтоб не держали дверь, сквозит.

— Лицо видели?

Миллс кивнул, потом задумался. Сперва стоял снаружи, мужчина оставался у другой стороны. Наклонился в дверь, когда Венн отошёл; Белфорд повернул голову и рукой показал, что следует закрыть. Кондуктор различил лицо, не сомневался, с кем разговаривает. Никакого постороннего в купе не было, хотя на пол под обе скамьи он не заглядывал.

— Что было в Ларкспуре с водой?

— Спросил, есть ли рядом. Я сказал, в буфете дадут. Он махнул рукой: отправляйтесь уже. Я же не стану поить силой.

Он говорил с раздражением человека, который приготовился отвечать за непредвиденное. Уитмор спросил, жаловался ли Белфорд на удар или падение. Нет. Говорил, душно, затем велел закрыть. Миллс подумал, болит голова, может, плохо пообедал. У мужчины бывали резкие ответы и прежде.

Кондуктор прочёл запись, задержался возле своего предположения про обед.

— Вы это оставьте так, чтобы не решили, будто я его ел.

Обед его. Я не видел.

Рид поправил формулировку. Миллс расписался, спросил, надо ли ещё ждать. Инспектор попросил не уезжать без сообщения Нортону. Кондуктор надел фуражку, выбрался из конторы и сразу начал разыскивать человека, который мог сказать хоть что-нибудь определённое о поезде.

Сведения о мисс Скотт и Венне передали на промежуточные станции. Кэрью попросил подтвердить, кого знают, где искать, кто видел высадку. По билетам следовало сохранить то, что ещё не смешали с другими рейсами; никто не обещал восстановить из корзины всех людей, прошедших за день. Сержант записал, кто и когда занимался сбором, чтобы потом не появилась пачка, выданная за безупречный список пассажиров.

Доктор вошёл после Миллса. Сел, снял очки, вытер след над переносицей. Инспектор рассказал, что пока известно о разговорах в Ларкспуре и Мерроу-Роуд.

— Вы хотите понять, могли ли его ударить уже после Мерроу-Роуд? — спросил Литтон.

— И до Блэквуда.

— Это тоже нельзя отбрасывать.

Уитмор посмотрел на врача. Тот положил очки, стал объяснять простыми словами: после повреждения головы человек иногда ходит, отвечает, даже возвращается к работе. Затем состояние ухудшается. Сам доктор видел такое в практике, не считал разговор пассажира свидетельством отсутствия

прежней травмы.

— Вы пока не говорите, что именно так было здесь?

— Пока нет. Вскрытие даст ответ о повреждении. На платформе я не могу показать вам, где и когда его причинили.

Рид перевернул страницу. Первые выписанные им остановки вдруг перестали быть всей дорогой к смерти. Перед Блэквудом лежал ещё день, который никто пока не спрашивал. Сержант подумал, что следует выяснить место обеда, и не стал записывать слово «обед» рядом с уже предложенной кондуктором версией. Начать надо было с того, куда человек ходил.

Литтон попросил бумагу, сделал краткое письменное описание первичного осмотра. Не повторял за Миллсом ни духоты, ни несварения, ни минуты, в которую пассажир перестал отвечать. Уходя, спросил, кто сообщит жене. Инспектор сказал, что установит адрес и направит человека.

— Она знает его привычки лучше нас, — произнёс доктор. — Если спросите о прежних недомоганиях, не подскажите ей, что мы уже считаем их объяснением.

Он будто хотел добавить что-то из собственной семейной жизни, не добавил. Взял сумку, ушёл договариваться о дальнейшей работе.

* * *

Когда положение тела и вещей зафиксировали, карманы осматривали над чистой бумагой, предметы описывали по отдельности. У Белфорда сохранились деньги, ключи, бу-

мажник и карточки фирмы. В кармане жилета лежал картонный билет третьего класса: Блэквуд — Бриарли, десятое мая, в один конец. Номер начинался единицей, весь Рид переписал как1846. Прежде чем убрать, сверил ещё раз.

Обратной части не было. Кэрью подтвердил по своему порядку выдачи, что это отдельный билет на одну поездку, а не половинка, которую приняли за целый. Но по одному картону нельзя было сказать, почему человек не купил обратный. Сержант попросил связаться с билетной кассой Блэквуда, сохранить запись выдачи и назвать дежурившего. Не требовал от начальника помнить работу чужого окошка.

На подкладке шляпы нашли тёмное пятно. Литтон прежде указал его положение относительно повреждения головы; это требовало исследования, не определения на глаз. Внутри портфеля лежали чертежи, два письма, сметные листы, небольшой блокнот. Ничего не вытаскивали и не прикладывали к пятну, желая посмотреть, перейдёт ли цвет.

Рид расправил только доступный край одного чертежа. В углу значилось: «Общественный зал. Бриарли». Название фирмы то же, что на карточке. Несколько размеров вписали красным, возле балки стояла короткая помета о пересмотре. Сержант не умел определять по ней, надёжна ли крыша. Записал надпись, сверил количество листов, оставил сложенными в прежнем порядке до полного описания.

Начальник станции посмотрел через плечо.

— Наш новый зал. Должны летом открыть. Жена туда за-

навес с соседками собирает.

— Он сегодня по этому поводу приехал?

— Наверное. То есть я не знаю. Мог быть назначен осмотр. Мистер Дейкр на прошлой неделе был.

Уитмор попросил узнать, кто ждал Белфорда в Бриарли, не передавая пока собственное предположение всем, с кем будут говорить. Кэрью согласился, тут же спросил, как же узнавать, не называя фамилии. Инспектор пояснил: фамилию называть можно, назначение поездки пусть скажет встречающий.

Нортон приготовил сведения о фирме. Адрес конторы в Блэквуде, два компаньона, отдельный домашний адрес Белфорда. Строителя Дейкра знали на станции, но новый зал принадлежал местному комитету, а не железной дороге. Сержант записал последнее, вычеркнул стрелку, которую уже успел провести к станционным расходам.

Снаружи начался дождь. Кто-то громко потребовал выпустить задержанный поезд, затем узнал о смерти и стал говорить тише. Раздражение не ушло, изменился только голос. Нортон спросил, как быть с возвращающимися. Инспектор велел согласовать с железнодорожниками доступный состав и место дальнейшего осмотра. Забрать расследуемый вагон с пассажирского пути можно после сохранения исходного положения и письменных отметок, не вместе с людьми, желающими ехать домой.

Кэрью вышел облегчённый: получил дело, для которого

не требовалось понимать, кто ударил человека.

* * *

Альфред Кин ждал у своей кассы. Увидел Уитмора, снял шапку, достал старый конверт прежде, чем инспектор успел назвать себя. На лице старика так ясно читалась тревога, что Рид сначала решил: тот забыл сообщить ещё что-нибудь о нынешнем пассажире.

— Я вам писал, — сказал Кин. — Вы на завтра назначили. По поводу мисс Вейл.

Инспектор узнал имя. Запросы по прежним железнодорожным служащим посылали ещё в апреле. Один ответ пришёл через контору, потом Альфред написал сам. Встречу действительно назначили на одиннадцатое, с тем, чтобы он успел найти письмо.

— Нашли?

— Нэнси нашла. Я сохранил не у себя, ей писал. Она тогда у родни была.

Кин подал конверт, не выпуская совсем. Попросил расписку. Уитмор предложил зайти к столу, описать и передать там. Тот согласился, оглянулся на прилавок. Нортон встал рядом присмотреть, пока хозяин отсутствовал.

Письмо начиналось домашними новостями: Кин починил замок, потратил на дрова больше, чем Нэнси разрешила, и не собирался писать, куда делась разница в полшиллинга. Потом шли несколько строк о службе. В числе людей, которых он видел в тот день в Блэквуде, называлась мисс Вейл. Она

уехала по местной ветке, говорила о Мерроу-Роуд, торопилась и попросила не нести сумку на плече: внутри были бумаги.

Лист был датирован шестнадцатым ноября двадцать четвёртого года. Почтовый след на конверте относился к следующему дню. Рид записал, от кого получено, куда прежде отправлено. Свежий апрельский ответ с нынешним адресом не подменял старого конверта.

— Вы её тогда знали? — спросил Уитмор.

— Разговаривал прежде. Багаж из Эшкрофта принимал, бумаги в контору привозила. Не единственный раз. Я не по фотографии решил, вы мне её и не присылали. В письме же написал фамилию.

Инспектор прочёл строки ещё раз. Саттоны, восемнадцатое ноября. Розовый коттедж, конец месяца. Дорога не возникла сегодня из ничего, но в ней появилась новая встреча раньше этих адресов. И человек, который не объяснял чужой отъезд вместо самой женщины.

— Она одна была? — спросил Рид.

Кин поднял глаза.

— Со мной говорила одна. Я её сумку внёс, она велела поставить у ног. В соседние купе не заглядывал. Мог кто-то ждать уже в вагоне, я не знаю. Вы это так и напишите.

Уитмор спросил, помнит ли старик часы. Кин назвал время приблизительно, затем сам остановился: по нынешнему расписанию выбирать не станет. Нужно посмотреть, какой

поезд тогда отправлялся, и проверить его собственную смену. Он помнил послеобеденное время, был ещё свет. Дату даёт письмо. Остальное хотел рассказать завтра, не всовывая между приездом полиции и чьим-то унесённым телом.

Инспектор принял документ с описанием и распиской. О времени беседы договорились заново: утром, прежде чем старик откроет торговлю. Если понадобится сдвинуть, предупредят лично. Нэнси просила присутствовать при передаче, Альфред про это забыл и теперь рассердился на себя.

— Она меня вечером съест.

— Объясню, что получили сегодня, — сказал Уитмор.

— Вы объясните, а мне жить.

Кин взял расписку, осторожно сложил. Потом вдруг спросил, пассажир из купе сразу умер или ещё успел что-нибудь сказать доктору. Инспектор ответил, что при враче уже не говорил. Старик кивнул, отвёл взгляд на мокрую платформу. У прилавка Нортон продавал газету и никак не мог понять, откуда дать сдачу. Альфред поспешил на помощь.

Уитмор остановился под навесом. Рид держал папку под пальто, защищая от дождя, и ждал решения о поездке. Прежде всего следовало сообщить Элис Белфорд, затем осмотреть место работы мужа, пока вечер ещё не превратил его в уборку столов и запертые шкафы.

Инспектор попросил Нортона связаться с конторой фирмы: ничего из бумаг и вещей сегодняшнего дня не выбрасывать, сотрудники должны быть доступны для разговора.

Сам направился к машине. На платформе снова посвистели, но теперь это относилось к составу, который готовили для живых пассажиров. Дождь глушил шаги, и Риду пришлось окликнуть, чтобы инспектор не забыл свой мокрый плащ в чужой конторе.

Глава 3. Вода в умывальнике

В Блэквуде пахло тёплым камнем. Дождь прошёл мимо города, оставил тёмную полосу над дорогой к Бриарли. Рид вышел из машины на углу Хай-стрит, расправил рукав, помятый за время поездки.

— Сначала сообщу, потом спрошу, когда смогу вернуться, — сказал он.

Уитмор кивнул. Дом Белфорда находился дальше, за лавкой аптекаря. Инспектор собирался заехать туда после конторы, но сержант сам предложил не вести двоих сразу с расспросами. Жене ещё никто не сообщил о смерти. Фамилия в записной книжке пока не означала, что женщина готова объяснять, как муж провёл утро.

Возле здания фирмы ждал Прайс. Его вызвали из участка, попросили присутствовать при первом осмотре. Констебль держал в руке конверт, который успел получить по другому делу; почтальон отказался поверить, что полиция тоже может торопиться.

— Заперто? — спросил Уитмор, глядя на тёмную входную дверь.

— Дверь тяжёлая. Внутри есть люди. Я пока не стучал.

В стекле отражалось обратное название: «Дейкр и Белфорд. Строительные работы». Ниже перечислялись собственные проекты фирмы, среди них — новый обществен-

ный зал в Бриарли. Краска на последних буквах выглядела свежее. Прайс толкнул дверь плечом, пропуская инспектора.

В приёмной стояли два стола, шкаф с образцами и длинная доска, на которой держали свёрнутые чертежи. Возле пишущей машинки лежала коробочка с зубным порошком. Молодая женщина быстро убрала её в сумку, словно до этого не верила, что кто-нибудь ещё может войти.

— Мистер Дейкр ещё не вернулся. Просили остаться, я осталась.

— Ваше имя?

— Джин Бакстер.

Назвавшись, она заметила, что Уитмор снял шляпу, и перестала держать свою сумку за обе ручки. Показала на стулья. Предупредила, что у правого расшатана спинка: мистер Белфорд всё собирается заменить, но не велит покупать без него.

Инспектор сказал о смерти. Женщина слушала, глядя на опасный стул. Он повторил только необходимое, дал время. Потом попросил не оставаться одной, если требуется позвать кого-нибудь. Бакстер покачала головой. Её брат работает допоздна, а соседка ещё начнёт спрашивать.

— Я ведь видела его сегодня, — сказала она.

— Здесь?

Она кивнула. Рабочий день, два компаньона, обыкновенные счета. Белфорд с утра уходил, вернулся к обеду. Дейкр тоже отлучался, затем оба находились в его комнате. Сама

Джин была у зубного врача. На приём записалась давно, получила разрешение отсутствовать с двадцати минут первого. Вернулась вскоре после часа. Не стала утверждать, что часы на стене у врача ходят так же, как здешние, зато могла назвать врача и предъявить квитанцию.

— После возвращения видели мистера Белфорда?

— Да. Он просил воды. Мистер Дейкр уже налил, я только принесла чистый стакан. Сказали, поскользнулся или ударился. Я не поняла сразу, было неприятно спрашивать.

Уитмор попросил вспомнить слова, не выбирая теперь между падением и ударом. Бакстер потёрла пальцами щёку, сообразила, что трогает после лечения, отняла руку.

— Мистер Дейкр сказал: Норман зацепился в дверях. Както так. Белфорд сидел у окна, держал мокрый платок. Я хотела спросить, не позвать ли, но он велел не суетиться.

— К чему прикладывал платок?

Джин подняла ладонь к левой стороне головы, выше уха. Затем смутилась: могла ли она теперь показать слишком определённо? Инспектор попросил рассказать, что видела. Ткань находилась сбоку, пальцы поверх неё. Белфорд сердился и не хотел держать долго, отнимал, клал рядом. Крови на лице она не запомнила, в мокрый платок не вглядывалась.

Прайс записывал, не перебивая. Бакстер заговорила быстрее: не оставалась в комнате, у неё в приёмной ждали два письма, за подписью Белфорда надо было зайти ещё раз. Он подписал не сразу, сперва сказал, чтоб оставила, потом по-

звал и вернул. Разговаривал, был недоволен суммой на одном счёте. Если бы кто-нибудь тогда произнёс, что человек скоро умрёт, ей показалось бы дикостью.

Инспектор попросил сохранить подписанные бумаги и всё, на что они ссылались. Затем спросил о комнате. Бакстер провела. За ней встал Прайс, не позволяя посетителю, появившемуся у входа, пройти следом. Мужчина хотел только узнать, где заказанный подоконник, и не собирался интересоваться полицией. Услышав просьбу подождать, тут же начал интересоваться.

Комната компаньонов оказалась длиннее приёмной. Два письменных стола стояли так, что сидящие видели друг друга поверх бумаг. У стены — чертёжная доска, возле неё портативный умывальник с тазом и кувшином. Вода осталась мутной. Кран в маленьком коридоре работал, но Дейкр не любил ходить туда всякий раз, когда испачкает руки тушью.

Бакстер показала кресло, где сидел Белфорд. Подлокотник лоснился у края. Возле ножки лежала засохшая щепка, у плинтуса темнел влажный участок пола. Над ним распахнули окно. Инспектор попросил пока ничего не вытирать и не проветривать иначе, чем было до их прихода.

— Я здесь не убирала, — сказала Джин. — С утра только в приёмной. Зуб разболелся, не успела.

Она услышала собственное оправдание, прикусила губу. Уитмор спросил, откуда щепка. На прошлой неделе чинили нижнюю дверцу шкафа. Плотника ещё раз хотели позвать,

но Дейкр решил, что с задвижкой справится сам. Ящик с инструментами оставался под столом.

Инспектор не вытянул его сразу на середину. Осмотрел с места, попросил Бакстер назвать, что видела прежде. Отвёртки, клещи, небольшой слесарный молоток, куски проволоки. Чего именно касались сегодня, она не знала. Вытаскивала вчера отвёртку для машинки, затем вернула. Компаньоны иногда давали инструменты работникам, однако этот ящик держали здесь, не в мастерской.

Сверху лежал молоток с тёмной рукоятью и округлой головкой. На деревянной части у самого металла сохранилось светлое место, будто недавно вытерли. Этого не хватало ни для крови, ни для вывода о мытье. Уитмор попросил описать положение, не отделяя молоток от остальных предметов, которые могли понадобиться. Если сохранились следы, торопливое прикладывание к чужой голове только всё испортило бы.

В приёмной хлопнула дверь. Посетитель с подоконником начал говорить громче, словно нашёл человека, которому можно пожаловаться на ожидание. Бакстер обернулась:

— Мистер Дейкр.

* * *

Кристофер Дейкр вернулся со свёрнутой газетой под мышкой. Высокий, сутуловатый, с коротко подстриженными волосами, он сначала принял Уитмора за представителя комитета из Бриарли. Поздоровался и спросил, не перенесли

ли осмотр. Когда заметил Прайса, перестал улыбаться.

Инспектор представился, сообщил о компаньоне. Дейкр опустил газету, некоторое время держал за самый угол. Лист медленно выскальзывал из-под руки; Джин подхватила, положила на стол.

— В Бриарли? В поезде?

— Его нашли после прибытия.

Мужчина перевёл взгляд на окно, на кресло. Спросил, известили ли Элис. Уитмор ответил, что к ней направился сержант. Дейкр кивнул, тут же снова спросил, один ли тот пришёл или позовут врача. Инспектор сказал, что о состоянии жены ещё ничего не знает.

— Сядьте, — предложила Джин.

Дейкр взялся за спинку, отодвинул стул, но не сел. Пальцы у него были в графитовых разводах. Правый большой палец заклеен узкой полоской пластыря, края уже отклеивались. Прайс невольно посмотрел, строитель заметил.

— С утра задвижку поправлял. Соскочила отвёртка. Что там произошло с Норманом?

Уитмор спросил о встрече здесь. Не сообщил, что именно рассказала Бакстер. Мужчина оглянулся на неё. Предложил подождать в приёмной, но инспектор попросил сперва закончить описание комнаты. Дальше беседовать будут отдельно. Джин осталась возле двери, не пытаясь помочь ответам.

Белфорд вернулся к обеду, сказал, что по дороге зацепился головой в дверях фургона. Дейкр принёс воду, предложил

отдохнуть. Компаньон отказался менять планы, собирался на поезд в два десять, в Бриарли ждали по поводу зала. После воды чувствовал себя лучше, хотя жаловался на боль и оставался раздражительным.

— Кто его видел прежде, до возвращения? — спросил инспектор.

— Он уходил к Хэйлу. К Мартину Хэйлу, мастер у нас работал. У них опять спор о деньгах. Я туда не ходил.

— Каких дверей фургона он касался?

— Не сказал. Я не расспрашивал. Тогда не знал, что понадобится. Вернулся, приложил платок, мы поговорили о деле. Потом он ушёл, своими ногами. Через приёмную, мисс Бакстер видела.

Уитмор отметил. Врач уже предупредил: собственные ноги ничего не отменяют. Говорить это сейчас Дейкру ещё раз, словно предложение поторговаться со сведениями врача, не хотелось. Инспектор спросил, когда компаньон ушёл и когда сам строитель покинул контору.

Дейкр назвал время приблизительно. Белфорд собирался успеть к отправлению, ушёл с запасом. Сам он вышел без четверти два, направился на заседание по расходам комитета. Не того, что в Бриарли: в Блэквуде отдельно обсуждали ремонт школьного ограждения. Встреча затянулась до трёх, затем договаривался с поставщиком. Мог назвать всех присутствовавших.

— Нам понадобятся имена, — сказал Уитмор.

— Конечно.

Мужчина перечислил. Прайс записал, уточнил место. Дейкр объяснял охотно и только на последней фамилии понял, сколько говорит о себе. Замолчал, посмотрел на стол Белфорда.

— Но вы же не думаете, что с ним могло… Что это не просто несчастье?

— Нам нужно проверить его день. В том числе прежнюю травму.

Строитель кивнул. Начал спрашивать о поезде, о том, кто сидел рядом, и снова остановился. Подошёл к собственному столу, намеревался убрать газету, инспектор попросил пока оставить. Дейкр отступил, покраснев от того, что его остановили при служащей.

Умывальник объяснил сам. Белфорд ополоснул платок, потом оставил на краю. Где ткань теперь, мужчина не помнил: компаньон мог убрать в карман. Воду не выливали. Влажное место на полу появилось, когда наливали слишком быстро. Небольшую тряпку, которой Дейкр вытер, бросил к ведру в коридоре.

Прайс попросил не приносить. Пошёл описать на месте, предварительно спросил Бакстер, кто ещё пользуется проходом. Посетители там не ходили, работники могли зайти. Ни Дейкр, ни Джин не заявляли, будто умывальник до этого никогда не содержал чужой воды.

Инспектор посмотрел на заклеенный палец.

— Вы промывали его здесь?

— Утром, да. Я же сказал про задвижку.

— Покажете повреждение доктору, если потребуется?

— Разумеется. Не думаю, что столь маленький порез…

Он оборвал фразу. Повернул ладонь, как будто впервые понял, насколько неубедительно выглядит пластырь в комнате с полицией.

Уитмор не стал просить снять прямо над тазом. Договорился о независимом осмотре и записи. Любое тёмное пятно в этой комнате могло получить удобного владельца, если начать выбирать его прежде исследования.

* * *

Хелен Дейкр пришла со стороны двора. Держала под мышкой чертёжную папку, пальто несла на руке. Бакстер встретила в приёмной, не успела ничего сказать: женщина сама увидела мужа и Прайса, спросила, кто заболел.

Дейкр рассказал. Не дошёл до травмы, повторил только Бриарли и поезд. Хелен села на тот стул, у которого шаталась спинка, и муж сразу придержал её за плечо.

— Не на этот.

Она встала, перешла к другому. Папку поставила на пол, заметила, что край касается мокрого следа от ботинка, подняла опять. Уитмор предложил свободный стол в приёмной. Хелен поблагодарила, спросила, можно ли ей остаться.

— Вы сегодня видели мистера Белфорда? — произнёс инспектор.

— Утром. Дальше работала у себя, дома. Пришла с листами для Бриарли.

Она развернула папку, затем поняла, что он не просил показывать чертежи. Закрыла. На внешней стороне большими буквами стояло название зала.

Белфорд прежде вёл переговоры и расходы, Дейкр — работы и исполнителей. Хелен помогала с чертежами, иногда ездила на место. Постоянного жалованья в фирме не имела: супруги считали общие дела общими и лишь недавно начали ссориться из-за того, что заказчик знает имя мужа, а её принимает за женщину, принёсшую папку.

— Сегодня приехали новые измерения? — спросил Уитмор.

— Исправленные листы. Не всё новое. Можно я скажу об этом позже? Я ещё не поняла, что произошло.

Инспектор согласился. Попросил сохранить то, что принесла, с обозначением прежней версии. Хелен поставила папку на стол, разгладила ленту. Дейкр хотел взять, она удержала.

— Я подпишу, какие мои. Вы не разберётесь потом.

Сказала мужу, не полиции. Он опустил руку.

Бакстер принесла чай. В комнате никто не попросил, но ей требовалось закончить действие, которое она умела делать без распоряжения. На блюдце положила сахарные щипцы, хотя мужчины обычно брали сахар ложкой. Села отдельно, держала чашку возле больной щеки. Хелен спросила, опять

зуб? Джин кивнула, и на секунду они заговорили о враче, который назначает один час, а принимает через сорок минут.

Дейкр стоял у окна. Из двора доносился голос работника, разыскивавшего лестницу. Уитмор попросил подать сведения о приходивших и не отпускать вещи в мастерскую до осмотра. Прайс уже связался с управлением: комнату и предметы следовало описать прежде обычной вечерней уборки. Людям предстояло ещё читать записи, которые они сделали в первый час после новости, потом при необходимости уточнять.

Когда инспектор собрался выйти, Дейкр задержал:

— В поезде ведь был кто-то с ним. Если ударили там, пока я…

— Проверяем и поезд, — ответил Уитмор.

Не закончил вместо строителя фразу о его пребывании на заседании. В приёмной Бакстер прижимала к щеке чашку. Мужчина с подоконником так и не дождался, оставил записку, в которой сперва требовал доставить к пятнице, потом приписал, что сожалеет и может подождать. Бумагу положили отдельно от служебных запросов.

* * *

Рид ждал в участке. Из дома Белфордов вернулся пешком, успел промокнуть от короткого дождя, который всё-таки дошёл до города. Пальто висело возле печи. Сержант сидел без пиджака, перед ним лежала недописанная запись.

Элис открыла сама. Сначала решила, что муж послал за

забытыми ключами. Когда Рид назвал себя, предложила войти. Он сообщил о смерти, она долго слушала, не садясь, затем вдруг спросила, в каком вагоне. Вопрос оказался для неё важен, хотя объяснить не могла. Сержант ответил, больше не рассказывая устройства состава.

Женщина попросила позвать подругу, живущую поблизости. Рид передал просьбу через соседку, дождался. Спросил только необходимое о личности и последних встречах. Тело она ещё не видела, опознание предстояло устроить отдельно. Мужа знала больным не больше, чем обычного человека его лет; о нынешнем повреждении головы ничего не слышала.

— Утром вместе были? — спросил Уитмор.

— Были. Ушёл без травмы, по её словам. Сказала, часов до девяти. Я ещё вернусь завтра, договорились. Сегодня плохо слышала вопросы, не хотел вынимать из неё готовый день.

Он подвинул лист. Внизу стоял вопрос, оставленный без ответа: кто ждал Белфорда с машиной. Элис сказала, что муж часто возвращался из Бриарли по дороге, но насчёт сегодняшнего не знает. Иногда договаривались, иногда он находил знакомого сам. На следующем вопросе о нанятых автомобилях начала плакать.

Уитмор прочёл, вернул. Рассказал о воде, платке, Дейкре и заседании, которое началось уже после того, как Белфорд ушёл. Рид оделся, не дожидаясь просьбы. Завтра следовало проверить дорогу к поезду и человека, к которому погибший, по словам компаньона, ходил до обеда.

Прайс принёс ответ из Бриарли: Венн найден, учительницу Скотт разыскивают по домашнему адресу. Оба уехали с того самого рейса, не пытались скрыть поездку. Рид записал, кому ехать утром, затем спросил инспектора:

— А кто видел, как он в контору входил?

— Пока только Дейкр.

— Значит, с дверями фургона не начали ещё.

Уитмор посмотрел на лист с адресом Хэйла. Вначале ему хотелось узнать, кто находился рядом с Белфордом между станциями. Теперь требовался человек, который видел его до этой комнаты с мутной водой. Инспектор попросил Прайса проверить, доступен ли мастер ещё сегодня. Сержант взял пальто с крючка и обнаружил, что оно так и не высохло.

Глава 4. Обратная дорога

Мартин Хэйл открыл Уитмору с куском хлеба в руке. Увидел Прайса, спрятал за спину, потом рассердился на собственное движение и снова вынес вперёд.

— Если по поводу лестницы, я обещал вернуть утром.

Констебль сказал, что не по поводу лестницы. Из кухни выглянула женщина, спросила, ставить ли ещё приборы. Хэйл ответил: не надо. Полиция после таких слов обычно всё равно оставалась, и жена не убрала два лишних стула.

Мастер работал у себя, в пристройке за домом. Белфорд сегодня приходил, спорили о плате. Хэйл не собирался делать вид, будто беседа закончилась дружески. За несколько недель работникам недодали часть заработка, потом начали пересчитывать, сколько времени ушло на исправление того, что приказали сделать иначе. Деньги на исправление фирма считала рабочими ошибками, рабочие — изменением заказа.

Уитмор сообщил о смерти. Мужчина перестал есть. Долго держал хлеб, не заметив, как край пропитался влагой от ладони, потом положил на тарелку. Жена села возле стены. Не спросила, подозревают ли Мартина, только придвинула к себе его пустую кружку.

Белфорд появился около половины первого. Хэйл в это время ждал человека с досками; тот опоздал, и пришлось

самому разгружать, пока жена следила за кухней. Компаньон пришёл пешком, отказывался садиться в рабочей одежде среди стружки. Сказал, что торопится, к двум должен быть у поезда.

— Доски привезли до него или при нём? — спросил инспектор.

— При нём. Я принял, он ждал. Потому и злой стал ещё больше. Записку от поставщика жена забрала.

Женщина принесла. На ней стояли число, количество и подпись Хэйла; часа не было. Мастер назвал возчика, предупредил, что по этой бумаге не следует делать вид, будто тот точно знал минуту. Сам опоздавший повторял, что уже двенадцать, всё равно не управиться до обеда. Хэйл помнил спор лучше времени.

— Белфорд жаловался, что ударился по дороге?

— Нет.

— Падал здесь?

Мужчина посмотрел на пол, потом на инспектора.

— Здесь? Нет. Я с ним ругался, а не дрался. Агнес слышала.

Жена кивнула. Слышала, как муж потребовал рассчитаться и перестать вычитать за чужую экономию. Белфорд говорил тише, разбирала не всё. Вошла однажды принести чистую кружку, потому что Мартин предложил чаю, и увидела гостя у двери. Тот от напитка отказался. У него на воротнике лежало несколько коротких волосков; он заметил

её взгляд, стряхнул ладонью и сказал, что парикмахер опять плохо отряхнул.

Уитмор попросил повторить слова. Агнес удивилась.

— Про волосы? Именно так. Я потому и вспомнила: он стряхнул на пол, а у меня потом дети по этому ходят.

Хэйл вздохнул, хотел сказать, что на полу мастерской и без того хватало, но промолчал. Инспектор спросил, которого парикмахера имел в виду Белфорд. Мастер назвал Уоллеса Крейна, возле почты. Компаньон предпочитал его, потому что там не разрешали курить ожидающим, иначе чистый воротник сразу пахнет чужим табаком.

На лице мастера ещё держалось возмущение от вопроса о падении. Он повторил, что Белфорд здесь не ударялся. Прайс попросил разрешения посмотреть место, где разговаривали. Хэйл провёл в пристройку, оставил дверь нараспашку. Инструменты, верстак, зажатая струбциной деталь, на стене незаконченная полка. Ничего не прятал, но каждый раз спрашивал, можно ли теперь передвинуть это, раз инспектор посмотрел.

Белфорд принёс перечень вычетов. Хэйл взял копию, разорвал на две части, затем всё-таки подобрал: без бумаги не объяснить, сколько удержали. Положил обрывки на стол. Уитмор попросил сохранить оба, мастер согласился, спросил только, вернут ли для расчёта.

В перечне значилось усиление кровли общественного зала. Часть работы исключали из принятого объёма, часть от-

носили к переделке. Хэйл сказал, что не станет сейчас изображать инженера. Сам принимал распоряжения по выполнению, работал с тем, что давали. Но за две балки, которые велели оставить до новой поставки, платить людям всё равно требовалось: они уже подняли леса, подготовили, ждали.

— Кто велел оставить?

— Дейкр. Сначала на неделю. Потом сказали, заменят решение. После нового года у меня там другая работа была, на эту уже не звал. А теперь, оказывается, мои люди не сделали.

— Белфорд что ответил?

— Что разберётся с Кристофером. Я сказал, прекрасно, только до пятницы, потому что есть надо сегодня.

Хэйл посмотрел на лежавший хлеб и отвернулся. Уитмор спросил, как гость ушёл. Через двор, дальше на улицу. Смотрел под ноги, чтобы не испачкать обувь о мокрую землю, на забор не опирался, за голову не держался. Мастер видел до калитки. За ней уже дорога и чужие дворы, отвечать за них не мог.

Белфорд оставил после себя запах средства для волос, два куска бумаги и досаду. Мартин ещё долго возился с верстаком, всё делал слишком резко, испортил край полки. Агнес не стала говорить это полиции, пока муж сам не показал зарубку. Инспектор записал рассказ обоих отдельно, потом договорился связаться с возчиком.

Уходя, спросил о фургоне. Хэйл покачал головой: доставляли на телеге. Моторный фургон здесь сегодня не стоял,

своего у него нет. Он больше хотел знать, не удастся ли фирме теперь сказать, что все обещания давал покойный и спросить не с кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.